СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 7

Часть первая

Достоевский и революция 10
Юбилей 1931 года 16
Преодолеть Достоевского 18
Достоевский как предвестник нацизма 28
Психопатология Достоевского 36
Овладевая диалектикой зла 47
Юбилей 1941 года 54
Нацизм сражается за Достоевского 60
Большие надежды 77
Кампания 1947 года 82
Записки из подполья 95
Последний сталинский удар 103
Поддельный Достоевский 113
Маленковская весна 119
Новая Божедомка 130
Собрание сочинений Достоевского 136
Немного о текстологии 148
Постановление Президиума ЦК КПСС 158
Юбилей 1956 года 163
Первая диссертация 193
Работы А. С. Долинина 208
Достоевский и советская школа 215
Достоевский и третья мировая война 240
Вместо заключения 248

Часть вторая
(Документы и материалы)

ЦК КПСС и наследие Достоевского 250

Из истории собрания сочинений Достоевского 1956–1958 годов 274

Из истории издания А. С. Долининым писем Достоевского и других его работ о писателе 433

«Литературное наследство» издает Достоевского 468

Varia 488

Архивные фонды 547

Библиография 548

Список иллюстраций 569

Указатель имен 571

Указатель документальных материалов 582

К читателю

Замысел настоящего издания возник в процессе написания нашей книги «Текст Достоевского: историко-филологические разыскания». Разбирая историю публикации текстов писателя при его жизни, мы пытались проследить и за тем, как происходило исследование этих текстов уже позднее, в XX веке, когда сложилась текстология как академическая наука. В связи с этим мы провели масштабный поиск как архивных, так и уже опубликованных материалов по этой теме и с удивлением обнаружили, что до сих пор остаются неизвестными, затерянными, неучтенными многие важнейшие документальные свидетельства, без которых история науки о Достоевском оказывается вопиюще неполной. Более подробное изучение источников позволило нам выявить ряд магистральных тем в отношении к Ф. М. Достоевскому в XX веке.

Это и ситуация в первые пореволюционные годы, когда государство не знало, как ему поступить и к какому лагерю отнести классика, это и события 1930-х годов, когда писателя и его наследие наделяли демонической силой, насаждали миф о ущербности его творчества, препятствовали публикации его произведений и научных исследований о нем. Постепенное запрещение Ф. М. Достоевского в СССР в 1930-е годы неразрывно связано с совершенно неизвестной ранее проблематикой — образом Достоевского как орудия немецкой пропаганды эпохи Второй мировой войны. Надежды первых послевоенных лет сменились в 1947 году идеологической кампанией против наследия Достоевского, а события 1950 года, когда впервые было обнародовано письмо Ленина к Инессе Арманд, окончательно сделали Достоевского запретным автором. Переломный этап науки о Достоевском, связанный с оттепелью, также рисуется выявленными документами иначе; особенно важно сказать о секретных постановлениях высших органов коммунистической партии о писателе…

Эти и другие вехи истории науки о Достоевском в XX веке, в большинстве своем ранее неизвестные, очерчены нами в этой книге. Исследование сопровождается обширным документальным приложением — корпусом ранее

неизвестных материалов, без которых невозможно составить подлинную картину о трагическом существовании Федора Михайловича Достоевского в XX веке.

Выражаем искреннюю благодарность тем, чья помощь способствовала появлению настоящего издания — коллегам по Институту русского языка им. В. В. Виноградова, прежде всего Анне Флорес и Анастасии Преображенской; Дмитрию Тамазову и Никите Черепову; Николаю Подосокорскому и Игорю Ружицкому — благожелательным и внимательным рецензентам этой книги; особенная же наша благодарность — издательству «Новое литературное обозрение» и лично Ирине Прохоровой, Татьяне Тимаковой, Дмитрию Макаровскому, Ольге Понизовой, без которых книги «Текст Достоевского» и «Достоевский в XX веке» не были бы изданы столь безупречно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Достоевский и революция

Как хорошо известно, Федор Михайлович Достоевский стал признанным писателем Советской России 30 июля 1918 года. В этот день председатель Совета народных комиссаров В. И. Ульянов (Ленин) подписал постановление, которым утвердил представленный Наркомпросом «Список лиц, коим предположено поставить монументы в городе Москве и других городах», в котором имелся перечень двадцати наиболее почитаемых новой властью «Писателей и поэтов»: 1) Толстой. 2) Достоевский. 3) Лермонтов. 4) Пушкин. 5) Гоголь…[1] Иными словами, в тот день Достоевский показался основателю Советского государства даже более значимым, нежели Пушкин, Лермонтов, Гоголь, уступая лишь Толстому.

Такому выбору, вряд ли полностью осознанному, предшествовали некоторые события: вопрос об ассигновании средств на будущие памятники был рассмотрен Совнаркомом на заседании 29 июня 1918 года, однако собственно вопрос выбора «великих людей в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, наук и искусства» стоял в повестке заседания 17 июля, где его докладывал М. Н. Покровский[2]; 29 июля Отделом ИЗО Наркомпроса был подготовлен и список великих, включивший Ф. М. Достоевского[3].

Первым серьезным поводом, который потребовал через три года от советской власти вновь определить свое отношение к Ф. М. Достоевскому, стало столетие со дня рождения писателя в 1921 году. В. Ф. Переверзев, переиздавая к юбилею свою книгу 1912 года, предпослал новому изданию очерк «Достоевский и революция», в котором отметил связь давно умершего писателя с современностью,

---

[1] Декреты советской власти. Т. III, 11 июля — 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат, 1964. С. 118. Подлинник в архиве В. И. Ленина — РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6769. Л. 1–2.

[2] РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 158. Л. 158.

[3] Там же. Д. 168. Л. 22 об.–23.

глубокое понимание Достоевским сути происходящего, «как будто писатель вместе с нами переживает революционную грозу»:

> Пророк не пророк, но что Достоевский глубоко понимал психологическую стихию революции, что еще до революции он ясно видел в ней то, о чем в его пору, а многие и в дни революции, даже и не догадывались, — это неоспоримый факт. Читайте Достоевского, и вы многое поймете в переживаемой драме революции, чего не понимали; многое оправдаете и примете, как должное, чего не понимали и не оправдывали[1].

Неудивительно, что книга с таким призывом впоследствии стала достоянием спецхрана[2]. Однако те литературоведы, которые стояли намного ближе к партии, понимали трудность принятия писателя новой властью. Осенью 1921 года В. Львов-Рогачевский, состоявший в штате политотдела Главного управления военно-учебных заведений Реввоенсовета Республики, составил тезисы лекций о Достоевском, которые вошли в текст циркуляра о праздновании юбилея[3]. Учитывая, что с момента основания политотдел ГУВУЗ работал под руководством ЦК РКП(б)[4], этот документ выражал умонастроения руководства молодой Советской республики. И хотя, как принято думать, «дата столетия Достоевского оказалась *последним* на ближайшую полувековую перспективу *свободным* юбилеем»[5], в действительности уже тогда отношение власти к писателю было сформулировано в такой тональности, которая ничего хорошего не сулила:

> Мироощущение Достоевского делает его художником больной души, души надорванной, извращенной, подпольной и подточенной. Противоречия, вытекающие

---

[1] *Переверзев В. Ф.* Достоевский и революция: (Вместо предисловия) // Переверзев В. Ф. Творчество Достоевского. М.: Госиздат, 1922. С. 4.

[2] *Блюм А. В.* Запрещенные книги русских писателей и литературоведов, 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб.: СПбГУКИ, 2003. С. 340 (это единственная монография В. Ф. Переверзева, которая была изъята из обращения).

[3] РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 18. Л. 1 — 2 об. Автор текста этого циркуляра не указан (имеются лишь утверждающие резолюции), устанавливается на основании следующего: 30 ноября 1921 года циркуляром № 31/596640 были разосланы материалы и руководства по литературно-художественным вечерам, посвященным творчеству Лермонтова, Гоголя и Пушкина (РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 18. Л. 24 — 30 об.), уже с многократным указанием имени единственного их составителя — В. Львова-Рогачевского; также в документации ГУВУЗа 1921 года он указан единственным штатным лектором «по литературе, на разные темы» (РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 23. Л. 7), он же указан в 1921 году консультантом культпросветчасти ГУВУЗа при формировании репертуара для театральных кружков (РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 16. Л. 408 — 408 об.).

[4] *Кузьмин Н. Ф.* Военный вопрос на VIII Съезде партии // Вопросы истории КПСС. М., 1958. № 6. С. 175.

[5] *Сараскина Л. И.* Достоевский в созвучиях и притяжениях: (от Пушкина до Солженицына). М.: Русский путь, 2006. С. 402 (выделенное курсивом дано в оригинале разрядкой).

> из социального положения промежуточного слоя мещанства, создают душевный уклад полный противоречий в психике Достоевского и его героев[1].

Усиленно проводится мысль о поврежденности не только героев Достоевского, но и самого писателя, отмечается «припадочность и упадочность художника, стоящего на рубеже двух эпох»[2]. Критик А. М. Лейтес, сравнивая Достоевского с Данте, даже назвал писателя «человеком ада»:

> Достоевский только потому больше всех достоин называться «человеком ада», что, как художник, в жизни он видел только ад, и, главное, *кроме ада ничего в жизни видеть не хотел*. И Данте рисовал нам свой фантастический ад, но он же нарисовал нам (пусть менее удачно) и свой фантастический рай, не-фантастическую — Беатриче, эту очаровательную путеводительницу по райским местам. Достоевский же может быть и верит в существование рая, может быть и знает о возможности рая, но Достоевский не хочет рая. Он бунтует, он с пеной у рта протестует против рая, он отбрыкивается от рая-социализма и руками и ногами. И проводника в этот рай он себе представляет не иначе, как только в виде этого отвратительного, длинноухого Шигалева из «Бесов»…[3]

Романтика революции довольно долго сохраняла настроения начала века о Достоевском-пророке:

> Этот мятущийся художник, полный двойственных переживаний, автор «Двойника», «Подростка», «Бесов» предвосхитил идеи Ницше о сверхчеловеке, Шпенглера о закате Европы, предвидел величайшее потрясения наших дней и дал оружие смертельно враждующим станам[4].

Однако в середине 1920-х годов внимание привлекает упадничество идеологии Достоевского — так называемой достоевщины. Этот уничижительный термин к тому времени стал обыденностью: на рубеже веков его активно употреблял А. В. Амфитеатров, в 1910-х годах его не стеснялись Вяч. Иванов и Д. С. Мережковский, но появился он значительно раньше. Дополняя опубликованные

---

[1] ЦГАЛИ СПб. Ф. 717. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

[2] История русской литературы в ВУЗ / Сост. В. Львовым-Рогачевским // Программы и объяснительные записки по истории русской и западно-европейской литературы: Для военно-учебных заведений / Сост. В. Л. Львов-Рогачевский и В. М. Фриче. М.: Высший военный редакционный совет, 1922. С. 29 С. 3–43

[3] *Лейтес А.* Достоевский в свете революции: (1821 — 1881 — 1921) // Зори грядущего. Харьков, 1922. № 1. С. 103.

[4] *Львов-Рогачевский В.* Новейшая русская литература. М.: Изд. Центросоюза, 1922 (на обл. — 1923). С. 74.

ранее мысли об истории и значениях этого термина[1], скажем, что возник он еще при жизни писателя, в год смерти Ф. М. Достоевского он отмечен в «Русском вестнике», где в рецензии на роман М. И. Красова (Л. Е. Оболенского) «Запросы жизни» (СПб., 1881) говорится о том, что

> в числе «запросов жизни» фигурирует достоевщина чистой воды в лице некоего Пименова. Теория этого Пименова довольно известна: «Я не говорю, — проповедует Пименов, — что страданий нет, я говорю только, что они — иллюзия…»[2].

Для низвержения писателя и идеологии достоевщины устраиваются даже «диспуты о Достоевском». Один из них состоялся 23 марта 1924 года в Юзовке (Сталине; ныне Донецк), причем для остроты мероприятия и привлечения публики этот диспут назывался «судом». Защитником писателя выступил профессор-лингвист А. В. Миртов, в тот момент декан литературно-исторического факультета Донского пединститута в Новочеркасске. И сначала защитник был серьезно побит на самом диспуте, затем вынужден был выступить с объяснительной, отчасти примирительно статьей[3], но в ответ был бит еще сильнее, уже печатно, с окончательным приговором и Достоевскому:

> А теперь по существу — неправда, что Достоевский «величайший летописец души человеческой». Тысячу раз неправда!
>
> Достоевский, попросту, психопат, садист, воспривший жестокость, излелеявший культ страданий и небывалых переживаний. Его романы надуманы, не реальны, а стало быть и не художественны, его герои это галерея выродков, незнающих и непонимающих ничего, кроме вина, разврата и терзаний, его мораль — православие и смирение, его истина это клевета на человечество, это плевок в лицо всему здоровому, сильному, отметающему в сторону догмы страданий.
>
> И напрасно вы, профессор, пытаетесь его судить «в условиях жизни».
>
> Достоевщина и сейчас живет в некоторой части нашей интеллигенции, Достоевщина — в Миртовщине и наше дело ее осудить, именно, в условиях нашего времени, времени обогащенном идеями Ильича[4].

---

[1] *Северская О. И.* «Достоевщина» как ключ к ассоциативно-вербальному представлению идиостиля Ф. М. Достоевского // Коммуникативные исследования. Омск, 2021. Т. 8. № 4. С. 643–658.

[2] Запросы жизни: Роман М. И. Красова (Л. Е. Оболенского) / Новые книги // Отечественные записки. СПб., 1881. № 11, ноябрь. С. 57. (Рецензия не имеет подписи, в библиографии Боград автор не раскрыт — см.: *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки», 1868–1884: Указатель содержания. М.: Книга, 1971. С. 314, № 3067.)

[3] *Миртов А.* Ф. М. Достоевский: (По поводу диспута 23 марта) // Знамя труда. Юзовка, 1924. № 65, 6 апреля. С. 4.

[4] *Ларов А.* Еще о Достоевском: (Вынужденный, но окончательный ответ проф. Миртову) // Знамя труда. Юзовка, 1924. № 67, 9 апреля. С. 1.

Несмотря на такие характеристики, в центральной печати для писателя сохраняется место. В 1924 году, когда В. Львов-Рогачевский перерабатывал свою книгу «Новейшая русская литература», критик задался справедливым и принципиальным вопросом об отношении советской власти к Достоевскому:

> Всегда вокруг этого хаотически-смешанного творчества, вокруг пестрой драмы кипела огненная борьба, кипела эта огненная борьба и в мятущемся сердце художника. Этот пафос борьбы делает художника близким эпохам катастрофическим. И недаром 25-летие со дня его смерти совпало с 1906 годом, с разгромом декабрьского восстания, и недаром столетие со дня его рождения совпало с 1921 годом. Из всех современных нам художников Федор Михайлович — наиболее современный, как это ни звучит парадоксально. Для объективного изучения его творчества еще не настало время, еще слишком тенденциозно и публицистически ставился вопрос: по пути или не по пути Достоевскому с советской Россией. Но сейчас, как никогда раньше, скопляются обильные материалы, которые подготовят почву для научного историко-литературного исследования этого изумительно-богатого творчества[1].

Без всяких перемен этот абзац повторяется в пяти переизданиях этой крайне популярной книги В. Львова-Рогачевского, претерпевавшей изменения от издания к изданию[2], но не в части характеристики Ф. М. Достоевского. Эпоха Великого перелома не оставит места для подобных вопросов, и недаром в 1932 году, уже после смерти критика, его нерешительности был вынесен суровый приговор:

> Хотя Львов-Рогачевский и отошел после 1917 от политической деятельности, но меньшевистское прошлое густо окрашивало собой его литературно-критическую продукцию. Отсюда — беззубый, бесхребетный, на каждом шагу отмеченный типичным мелкобуржуазным либерализмом характер его критики, никогда не умевшей правильно находить и бить врагов пролетариата в литературе и очень часто выдававшей врагов революции за ее друзей[3].

В. Ф. Переверзев свое последнее слово о Достоевском сказал в 1930 году, назвав писателя «гениальным представителем литературного стиля, созданного городским мещанством в условиях разрушения сословно-крепостнического строя и нарождения капитализма», отмечая «двуликость и противоречивость» его

---

[1] *Львов-Рогачевский В.* Новейшая русская литература / Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1924. С. 120.

[2] *Львов-Рогачевский В.* Новейшая русская литература / 7-е изд., перераб. автором. М.: Книгоизд-во «Мир», 1927. С. 135.

[3] *Новицкая Л.* Львов-Рогачевский // Литературная энциклопедия: В 11 т. М.: Сов. энциклопедия, 1932. Т. 6. Стб. 645.

творчества, указывая на сложность современной оценки писателя марксистской критикой, которая «видит в Достоевском бунтаря, тяготеющего к смирению, и смиренника, тяготеющего к бунту, революционера, тяготеющего к реакции, и реакционера, тяготеющего к революции»[1].

Но и этот критик был повержен — В. Ф. Переверзева, который, конечно, по широчайшему кругозору, пониманию и знанию русской литературы и путей ее развития был на голову выше рапповских критиков, по сути, выжили из науки, объявили проводником меньшевизма, который в собственных работах «разоблачил свое ревизионистское отношение к ленинской точке зрения на развитие буржуазно-демократической революции в России», а его система была объявлена «существеннейшим препятствием на пути дальнейшего развития марксистско-ленинского литературоведения»[2]. Будучи впоследствии дважды арестован и дважды осужден, этот историк литературы смог по крайней мере умереть своей смертью.

Научная деятельность исследований творчества Ф. М. Достоевского в первое пореволюционное десятилетие была лаконично очерчена П. Н. Сакулиным:

> В Москве (в Историческом музее и Центрархиве) хранятся драгоценные материалы по Достоевскому. Частью они уже подготовлены к печати. Запад жадно интересуется ими и, насколько можно, уже пользуется ими (например, в монографии о Достоевском Мейера Грефе), но Центрархив всё еще не может выпустить их в свет.
>
> При литературной секции ГАХН работает особая комиссия по изучению Достоевского. Оживленная и плодотворная работа происходит и в других центрах. Уже выделились большие специалисты по Достоевскому: В. Ф. Переверзев, Л. П. Гроссман, А. С. Долинин-Искоз, Н. Л. Бродский, Г. И. Чулков, В. С. Нечаева, А. Г. Цейтлин и др. Каждый из названных ученых дал значительные работы по Достоевскому. А. С. Долинин, который уже выпустил два обширных сборника по Достоевскому, готовит ныне трехтомное собрание его писем[3].

---

[1] *Переверзев В. Ф.* Достоевский // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1930. Т. 3. Стб. 396.

[2] О литературоведческой концепции В. Ф. Переверзева: Резолюция президиума Коммунистической академии // Печать и революция. М., 1930. № 4. С. 5.

[3] *Сакулин П. Н.* К итогам русского литературоведения за десять лет // Литература и марксизм. М., 1928. Кн. 1. С. 134–135.